

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

С О В Е Т С К И Й   К О М И Т Е Т   С Л А В И С Т О В

**С Л А В Я Н С К О Е
Я З Ы К О З Н А Н И Е**

С Б О Р Н И К   С Т А Т Е Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1959

И. Попович

СЕРБСКОХОРВАТСКО-БОЛГАРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ (заметки по славянской лингвистической географии)

До последнего времени большое внимание обращалось на черты различия между сербохорватским и болгарским языками, т. е. на новообразования, которые разъединяют эти два языка. Безусловно, это дало свои положительные результаты (если не говорить о злоупотреблениях, которые допускали некоторые шовинистические элементы); однако, как я полагаю, давно настало время обратить внимание и на черты сходства между этими двумя славянскими языками — проанализировать общие новообразования, языковые процессы, которые тесно объединяют сербохорватский и болгарский языки. Здесь речь идет не только о «политической» стороне вопроса, т. е. не только о необходимости сотрудничества между учеными Югославии и Болгарии, но главным образом о чисто лингвистической необходимости научных работ такого рода, что, как мне кажется, в полной мере оправдывается языковым материалом.

Общепризнано, что сербохорватский и словенский языки в далеком прошлом пережили период тесного единства, а болгарский язык развивался особым путем, хотя большинство ученых допускает и кратковременное общеюжнославянское единство, имевшее место где-либо на территории старой славянской прародины или в период переселения на Балканы. Однако эта концепция объясняет лишь особенности эволюции грамматической структуры; что же касается развития словаря, то факты, напротив, позволяют нам говорить о близости сербского (и хорватского — в меньшей степени) языка с болгарским. Этот факт первым, насколько мне известно, очень тонко подметил виднейший болгарский компаративист проф. И. Леков: «Слова болгарского основного словарного фонда имеют параллели чаще всего в сербохорватском языке. Мнение о том, что среди южнославянских языков к сербохорватскому ближе других стоит словенский, вполне справедливо; однако это касается лишь грамматической структуры, но не основного словарного фонда» («Besonderheiten des Grundwortbestand der bulgarischen Sprache, Vorträge auf der Berliner Slawistentagung...», 82—83. Подчеркнуто мною. — И. П.). На лексическую близость между сербохорватским и болгарским языками недавно указал и акад. В. Георгиев (он сравнивал литературные языки). Эта близость убедительно показана на табличке, составленной В. Георгиевым: по его подсчетам сербохорватский и болгарский литературные языки имеют 80—85% одинаковых или почти одинаковых слов, 5—10% неидентичных, но понятных обеим сторонам и только 5—10% слов совершенно различ-

ных (Езиково сближение на славянските народи, Език и литература, III, од. Близостта на славянските езици, стр. 243—246).

Ввиду вышеизложенного полагаю, что необходимо начать и систематическое изучение общих лексических новообразований, связывающих некоторым образом сербскохорватский и болгарский языки. В данной статье дается анализ двух случаев, где лексика данных южнославянских языков развивалась в одном общем направлении в рамках лексического материала славянского происхождения.

Прежде чем переходить к описанию конкретных случаев, необходимо сделать несколько замечаний методологического характера.

1. Не только праславянские элементы связывают в тесную группу лексический материал сербского (и хорватского) и болгарского языков; в направлении их нивелировки действовали и различные факторы позднего времени (общие культурные заимствования из русского языка, схожий материал новогреческого и турецкого языков и т. п.), свидетельствующие не о генетической связи, а лишь о сходстве политико-культурной судьбы. Они пока остаются за рамками моих исследований.

2. Общие новообразования (инновации) в области праславянской лексики говорят о «генетической» связи, т. е. указывают на симбиоз сербов (и хорват) с болгарами. Но, сами по себе, без анализа другого материала, они еще не дают возможности судить о хронологии. Тот факт, что данный своеобразный лексический тип наблюдается у сербов и болгар, еще ничего не говорит о том, есть ли это следствие симбиоза на территории старой прародины или результат расширения изолексы на Балканах; а priori возможно как то, так и другое.

3. Греческие и турецкие заимствования находим прежде всего у болгар и восточных югославян (т. е. сербов) и в гораздо меньшей мере у западных югославян (т. е. хорватов, словенцев); точно так же ряд общих праславянских элементов находим главным образом в болгарском, македонском языках и штокавском диалекте сербского языка, а чакавский диалект хорватского языка в этом процессе часто уже не участвует: ср., например, болг. *знáя*, сербск. штокавск. *знáм* (и русск. *знáю*), но чакавск. *vîp* (и словенск. *vêt*, чешск. *vít*, польск. *wiet*, рядом со ст.-слав. *вѣмь*). Поэтому практически, может быть, лучше здесь говорить не о «сербскохорватско-болгарском», а просто о «сербско-болгарском». Однако с точки зрения теоретической такой термин неудобен, так как сербы и хорваты говорят на одном языке, а в диалектологическом смысле это было бы не совсем точно, поскольку иногда некоторые элементы распространяются с востока Балкан до чакавцев и кайкавцев полностью или частично. Ср., например, болг. *дълбѡк*, сербскохорв. штокавск. *дѹбок*, но также и чакавск. (частично) *dumbok* и *gelbok*; второй тип связан со словацким *hlbok* (см. ниже). Этот материал свидетельствует о том, что иногда сербы, македонцы и болгары оказываются на одной стороне, а словенцы — на другой; изолекса между двумя типами может проходить и через хорватские области (восточнее или западнее). В настоящей статье в связи с этим будет употребляться термин «сербскохорватский» язык.

4. Относительно данных македонского языка я уже высказывался в печати (см. мою книгу «Исторја српскохрватског језика», Нови Сад, 1955, стр. 63—65). Однако следует сказать, что в моем распоряжении было больше лексического материала с территории Болгарии; нежели из Македонии.

5. В некоторых случаях из-за недостатка материала речь пойдет лишь о сербско-болгарских локальных новообразованиях, хотя в действительности ареал может оказаться и более широким. Так, недавно

польский славист Ф. Славский (Języki południowo-słowiańskie, в кн. «Przegląd i charakt. język. słow.», Варшава, 1954, стр. 129) показал, что типы *Zica* и *solna являются сербскохорватско-болгарскими (и словенскими, где, вероятно, из сербскохорватского. — И. П.): сербскохорватск. *жйца*, болг. *жйца* (словенск. *žica*); сербскохорватск. *slána*, болг. *сланá* (словенск. *slána*). Однако вскоре Н. П. Гринкова отметила («Об областных словах в современном литературном русском языке», «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», Л., 1956, т. 122, стр. 156, примеч. 1) наличие этих слов и в русских говорах, что указывает на южнославянско-восточнославянский ареал.

Подобным же образом итальянский лингвист М. Бартоли считает развитие пары *luna:měšecъ* в один тип *měšecъ* у сербов и болгар их специфическим новообразованием (Le innovazioni preetniche nello slavo, Саопшт. и реферате III Међународног конгреса слависта, Белград, 1939, № 2, стр. 7—8). Между тем П. Я. Черных очень убедительно показал, что замена типа *luna* типом *měšecъ* — общеславянское явление, известное, кроме сербского и болгарского языков, в значительной мере и русским диалектам («Очерк русской исторической лексикологии», М., 1956, стр. 53—55), а теоретически, вероятно, и праславянскому языку (ср. R. L. Pearce, «The Lithuanian month names», «Studi Baltici», N. s. I (IX), стр. 124; Вяч. В. Иванов, о значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков, «Вопросы славянского языкознания», вып. 2, стр. 6—7, примеч. 1 на стр. 7).

Кроме того, необходимо определить, является ли данный факт лексической близости сербскохорватского и болгарского языков следствием того, что определенное лексическое сходство эти языки сохраняют как архаизм, или это прабалканское новообразование. Случаи первого рода выходят за рамки моего настоящего исследования, поскольку они не свидетельствуют с определенностью о последствиях сербско-болгарского симбиоза, имевшего место после распада праславянского языка.

6. Исследования данного типа сопряжены с огромными трудностями, связанными с недостаточно высоким уровнем лексикологии в славянских странах. Еще не создано диалектологического атласа и полных сводных работ по диалектологической лексикологии, которые смогли бы отразить картину географии, семантики и истории отдельных слов (в частности, болгарского и сербскохорватского языков). Имеющиеся в настоящее время диалектологические словари страдают обычно крупными недостатками, носят отпечаток «любительского» собрания «экзотики»: в них обычно отмечается лишь то, что «бросается в глаза»¹. В связи с этим пока трудно судить о географии слов и о многих других явлениях.

Вообще работ по лексике очень мало. В отношении сербскохорватского языка, например, можно назвать лишь три работы, причем одна из них принадлежит перу не лингвиста, а этнолога².

И наконец, должен отметить, что я испытывал большие трудности с литературой, изданной вне пределов Югославии; считаю своим дол-

¹ Ср. справедливые замечания И. К. Буниной в работе «Лексический состав говора ольшанских болгар», «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», М., 1953, вып. 3, стр. 13, 14.

² М. Tentor, Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika, Razprave, (Любляна), II/1, стр. 69—92; I. Popović, Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora, Riječka Revija (Риека), VI/3, стр. 62—72; В. Bratanić, Uz problem doseljenja Južnih Slavena..., «Zbornik radova Fil. fak.», (Загреб), I, стр. 221—250.

гом и правом отметить и это обстоятельство. Однако благодаря любезности своих коллег из Москвы и Софии я смог пользоваться советскими и болгарскими работами. Значительно труднее с литературой из Чехословакии, а особенно из Польши, хотя мне известно, что именно там ведутся очень интенсивные лексикологические исследования.

В связи с вышеизложенным необходимо подчеркнуть, что и картина, нарисованная в данной работе, далека от исчерпывающей полноты. Полагаю также, что еще рано приступать к анализу лексических фактов с точки зрения их семантического развития, с точки зрения выделения основного словарного фонда, хотя работа такого рода необходима и уже ведется в странах народной демократии. Все же полагаю, что материал, имеющийся в моем распоряжении³, позволяет судить об основных линиях развития анализируемых здесь словарных элементов, поскольку в общих чертах проясняется их географическая отнесенность, без учета которой невозможно объяснение смены одного элемента другим.

Необходимо сделать замечание и «субъективного» характера. Очень желательно, чтобы сербскохорватская лингвистика наконец включилась в ту большую лексикологическую и лингвистико-географическую работу, которая с успехом ведется в Советском Союзе, Польше, Чехословакии и Болгарии, работу, которая обещает в скором будущем богатые результаты. Необходимо, чтобы сербскохорватская славистика могла воспользоваться плодами совместной работы ученых славянских стран, и, с другой стороны, сама предоставила в распоряжение науки материал, добытый на сербских и хорватских территориях.

1. СЕРБСКОХОРВАТСКОЕ ДУБОК, БОЛГАРСКОЕ ДЪЛБОК «ГЛУБОКИЙ»

Общеславянский тип содержит начальное *gl-*; это обычно *glqbok*. Ср. словенск. *globók*, *globína* и т. д., укр. диал. *глубоки(й)*, *глубина*, белорусск. *глубо́кі*, русск. *глубо́кий*, чешск. *hluboký*, *hlubina*, *hlubočina* и т. д., польск. *głęboki*, *głęb*, *głębokość* и т. д., кашубск. *głabo eci*, словинск. *glqbūqhi*, в.-лужицк. *hluboki*, др.-н.-лужицк. *gluboki* (ср. в вост. части Нижней Лужицы в XIV в. название озера *Glambos*: З. Штибер, *Zarys dial. jęz. zachodnio-słow.*, Варшава, 1956, стр. 52), полабск. *glb-bū'ók'e* (ср. немецкий топоним славянского происхождения *Glammeswiz* < *glambosic, Траутман, *Die Elb- und Ostseesl. Ortsnamen*, I, стр. 113, III, стр. 183). Вполне очевидно, что тип *glqbokъ* характерен для наибольшей части севернославянской области и захватывает частично также и область южнославянскую (словенский язык); сюда же относится и хорватский кайкавский диалект, где находим *glublina* и т. д. (Плетершник).

Примерно в центре праславянской территории встречаются и другие типы на *gl-*, но с коренными *-y/-ъ-*:

а) укр. *глибо́кий*, *глибина* и т. д.; белорусск. *глыбокі*, *паглыбіць* «углубить» (Т. П. Ломтев, Грамматика белорусского языка, М., 1956, стр. 10, 11; ср. и Носович, стр. 14), польск. диал. *głuboczki* (рядом с *głęboczki*) «bardzo głęboki», вост.-словацк. *hliboký* (K ála 1, стр. 169), но также и сев.-русс. диал. *глыбь* (тамб., сиб.), южн.-русс. *глы́бкий*, зап.-русс. *глыбо́й* «очень глубокий»; этот же тип представлен и в северной части сербскохорватского чакавского диалекта (см. ниже).

³ Материал общеизвестных больших словарей приводится без ссылки на источник. Большой загребский словарь («Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika») обозначается сокращением RJA.

б) словацк. *hlboký*; так же частично и у южных славян (см. ниже).

Вместо этих славянских типов в сербскохорватском и болгарском языках находим в качестве нормального типа *дубок-дълбок*; некоторое подобие обнаруживаем и в современном нижнелужицком *dtymoki* || *dtumoki*, *dtym* || *dtum*, *dtymina*, *dtymosyna* и т. д., диалект. также и *dtub'*, *dtuboki*, *dtubokosc*.

В современном сербскохорватском языке представлен тип с *dľb* (*дуб-*), являющийся общештокавским: вост. Сербия *длбѣк*, *длбѣна* и т. д. (Белич, Срп. дијал. зб., I, стр. 94, 104), у сербов-крашован (зап. Румыния) — *дълбѣка* (Е. Петрович, *Graiuł Carașovenilor*, Бухарест, 1935, стр. 85). В Воеводине находим *дубок* (по моим наблюдениям), в окрестностях Белграда — топонимы *Дубока Бара*, *Дубока Јаруга*, *Дубочај*, *Дубочје*; в различных областях Сербии — *Дубочка* (Пожаревац), *Дубока* (Пожаревац, Крагуевац, Чуприя, Крушевац, Шабац), *Дубоко* (Крагуевац, Шабац, Валево, Т. Ужице), *Дубошница* (на р. Дрин), *Дубочар* (Крагуевац, Светозарево), *Дубочица* (Смедерево, Пожаревац, Чачак); в Боснии: *Дубочица* (Сараево), *Дубочац* (Баня Лука); в Герцеговине: *дубок*, *дубљина* (Д. Вушович, Срп. дијал. зб., III, стр. 35) и топонимы *Дубочица*, *Дубочани* (Билеча, Коњиц); в Черногории (Б. Милетич, Срп. дијал. зб., IX, стр. 422) имеются топонимы *Веље Дубоко*, *Мало Дубоко*; в Славонии: *dubđko* || *dűboko* (Ст. Ивнич, *Загр. Rad.*, СХСХVI, стр. 159) и топонимы *Dubočas* (указ. соч., стр. 147), *Dűbokā* (Пожега), в словенско-хорватском пограничном поясе *Dubočas* и т. д. Но этот же тип находим и в чакавских говорах, даже в их северной части: *dubđk* (Белич, Акц. студије, 1914, стр. 29), *dubľina* (Белич, Замет. по чак. говор., стр. 45); вдоль почти всего далматинского приморья встречаются топонимы, содержащие этот тип: *Dubđka* (острова Вир, Брач, Хвар, Ластово, Млет, Шипан), *Duboki* (остров Чиово), *Duboko* (остров Вис)⁴.

В болгарском литературном языке находим *дълбок*, *дълбина*, *дълбочина* и т. д. (новый Тълк. речн., стр. 151), в диалектах — *длбѣк* (Самоковско; коллективная работа в «Изв. Инст. за бълг. ез.», IV, стр. 264), *длбѣко* adv. (Вратца; Д. Д. Бешовишки, Сб. НУНК XIV/III, стр. 196), *дълбина* (В. Тырновско; П. К. Гъбюв, сб. НУНК, XIV/III, стр. 218), ср. в Ломском районе *Дълбѣка долчина*, *Дълбѣка междѣ*, *Дълбѣка фунїя*, *Дълбѣки дол* (И. Дуриданов, Местни названия от Ломско, София, 1952, регистр), *Дълбѣк дол* (Троян), *Дълбѣки* (Ст. Загора), *Дълбѣки вдлог* (Копривштица), *Дълбѣчица* (София; В. Миков, Происход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места, София, 1943, стр. 66, 191, 201 и др.). Таким образом, этот тип широко распространен и в Болгарии (примеры с *gl-* из топонимики В. Миков вообще не приводит).

В Македонии картина пестрая: в Богданском, близ Солоник, в одной и той же диалектной группе М. Малецкий рядом с *длабѣка ђда* (Илинец) отмечает и *зѣбѣка шѡда* (Айваново), *длѣбѣка ђда* (Белевиц), *глабѣка ђда* (Негован) и другие варианты, отступающие от штокавского и болгарского типов (О *zróžnicowanju gwar Bogdańska w pd.-wschodniej Macedonji*, *Lud słow.*, III, стр. А 102); в Порече (Македония) находим *длабок* || *злабок* и т. д. и топонимы *Длабѣки дол*, *Длабокѣ*, Преслоп, *Длапчиште* (Б. Видоеский, Поречкиот говор, Скопье, 1950, стр. 28), т. е. опять-таки типы, отступающие от штокавско-болгарского (см. ниже).

⁴ П. Скок, *Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima*, Загреб, 1951, стр. 1, 74, 162, 177, 186, 188, 195, 214, 221, 237.

Кроме того, тип *dǎbokъ* распространен и в некоторых балканских областях, где раньше жили южные славяне; в зап. Румынии, в области Крайова, районе Тургу Северин — *Dǎboca* (А. Росетти, *Influența limbilor slave meridionale asupra limbă române...*, Бухарест, 1954, стр. 57). Это, между прочим, полностью согласуется с формой, отмечаемой у сербов в зап. Румынии (см. выше). В Греции и Албании не находим достоверных примеров этого типа (см. ниже).

Прежде чем переходить к объяснению штокавско-болгарского типа, к вопросу о его генезисе и хронологии, необходимо рассмотреть и другие типы, встречаемые на македонской и болгарской почве.

а) Тип *glǎb-*, употребляющийся на большей части территории северных славян, находим и у хорват-кайкавцев (см. выше, *glublina*), а несколько реже и на севере чакавщины (Тентор, указ. соч., стр. 73). Ср. также лит. болг. *гльбинá*, «дълбочина, дълбини, недра», без дериватов (Тълк. речн.); макед. *гльбина* (Охрид; Геров, Допълн., стр. 74), *гльбока ђда* (Негован; Малецкий, указ. соч.). В южной Сербии около Призрена встречается топоним Глобочица (в македонской форме). Этот же тип представлен и в разных областях Македонии (А. М. Селищев, Слав. население в Албании, София, 1931, стр. 290, примеч. 1; М. Лутовац, Срп., этн. сборник, XIX, стр. 292—293) и в южной Македонии около Лерина — *Гльмбоча*, *Гльмбочани* (греч. Γκλῦμπωτσαῦη и т. д.; М. Фасмер, *Die Slaven in Griechenland*, Берлин, 1941, стр. 191).

б) Тип *glǎb-*, соответствующий словацкому, находим на западе и на севере чакавской территории: *gubǎk* — Звонеча (Белич, Акц. студије, стр. 29), *ǎalbǎk* — Сусак (И. Хамм, М. Храсте, П. Губерина, *Govor otaka Suska*, Загреб, 1956, стр. 159), *gelbǎk*, *gelbinjâ* — Либурния, Крк, Прес (Тентор, стр. 73); ср. редкие топонимы из этой зоны: *Gleboka*, *Galboka*, *Galboki bočac* (Скок, *Slav i rom.*, I, стр. 37, 49), *Galbǎka drážica*, *Gilbǎka*, *Gleboka* (Торонимика западне Истре, Среса и Лошинја, Загреб, 1956, регистр). Особенности болгарской фонетики не позволяют определить древнейший звуковой вид (*гль* или *гльж*).

в) Тип *dib-*: с одной стороны, в сербских штокавских говорах: *дубѡк* и топонимы *Дубѡки Пѡток* в Косово (Г. Елезовић, Речник косовско-метохиског дијал. I, Белград, 1932, стр. 133, 134), *Дубочајска Планина* и *Дубочански Поток* под Белградом (RJA); в вост. Сербии *дубинá* (Белич, Срп. дијал. зб., I, стр. 309); с другой стороны, у чакавцев, населяющих Градинче (Burgenland) в Австрии, — *dibok*, *dibina* (RJA).

г) Тип *dumb-*: характерен для югославского Приморья (в основном чакавские говоры): *dumbǎk* (Звонеча; Белич, Акц. студије, стр. 29; Заметки, стр. 53), *dumbok*, *dumbina* (Шибеник; К. Иречек, *Die Romanen in den Städten Dalmatiens...*, Denkschrift Венской Академии, Ph-h. Cl. XLVIII/III, стр. 40, прим. 1), топонимы *Dumboko* (RJA), *Dumbočica* (Тороним. зап. Истре..., стр. 30, карта № 14), *Dumboka*, *Dumbǎko*, *Dumbočica* (на далматинских островах; Скок, *Slav. i rom.*, I, стр. 31, 65, 73, 97, 102, 111, 122, 136), *dumbalj* («Глубина, образованная в русле потока водопадом»; отмечено в Лике, Хорватия). В южной (штокавской) Истрии мне часто встречался этот тип: *dumbočina* «глубина» и т. д. Возможно, сюда же относится и южномакедонское *дламбок*, *дльмбок* (Малецкий, указ. соч.; А. Кузов, Известия на семинар по слав. филол., София, 1921, стр. 101).

д) Тип *dimb-*. Отмечен на югославском Приморье, в Истрии, во многих штокавских говорах (*dimbǎčina* и т. п.). Это подтверждает для Чигарии (в Истрии) И. Рибарич (Срп. дијал. зб., IX, стр. 67—68): *dimbǎk* (так же и у истро-румын); ср. топоним *Sěka dimbǎka* (Тороним. зап. Истре..., стр. 30 и карта № 8).

е) Тип *glyb-* отмечен на хорватском западе: *Gliboki brod* (Огулин), *glibok* (у хорватов Австрии); *Globodol* — близ хорватского Приморья; с другой стороны, он известен и в болгарских говорах, ср. *глибѡк* «дълбок» (Самоковско; Изв. за бълг. ез., IV, стр. 300).

ж) Тип *dlib-*. Известен только в вост. Сербии и Македонии и в болгарских говорах: *длибѡка* (Белич, Срп. дијал. зб., I, стр. 430); *пѡ-длибѡк* (Самоковско; Изв. Инст. за бълг. ез., IV, стр. 276), *Длибѡк'и дол* (К. Попов, там же, стр. 154); о Македонии см. выше (Малецкий).

з) Тип *dlab-* встречается в Македонии, как в литературном языке, так и в Порече, южной Македонии (см. выше).

и) Тип *zlab-*. Представлен в македонских говорах (см. выше).

к) Тип *bqmb-*. С одной стороны, у чакавцев: *bumbŏki* (Белич, Акц. студје, стр. 29), с другой — в болгарских говорах: см. *бѹмбак* «дълбоко место в река, дѣто водата отича бавно» — Търн, с ж > у (Д. Господинкин, Изв. на семинара по слав. фил., София, 1921, стр. 199).

л) Тип *damb-*: *dambŏk*, распространен в Истрии (Рибарич, Срп. дијал. зб., IX, стр. 67—68).

м) Тип *deb-*: *debŏk* в болгарских говорах (Геров, Допълн, стр. 88).

н) Тип *gqmb-*: *gunbok* (на чакавском острове Цресе; Тентор, стр. 73); *mb* > *nb* по романской артикуляции (ср. М. Бартоли, *Das Dalmatische*, I, Вена, 1906); известен и в македонских говорах: *гамбѡка вѡда* — Сухо (Малецкий, указ. соч.).

о) Тип *glomb-* встречается в южной Македонии: *гламбѡка вѡда* (Сухо; Малецкий, указ. соч.), *гламбоко* — Бобошчица в Албании (Селищев, Слав. насел. в Албании, стр. 291); известно и *Глѣмбоча*, *Глѣмбочани* и т. п.

Таким образом, большинство штокавских и чакавских говоров и многие др. болгарские говоры имеют в настоящее время тип *dľb-*; словенцы, частично и македонцы, как и северные славяне, имеют типы с начальным *gl-*. У сербов, хорватов и болгар, кроме того, встречаются и другие типы (но реже).

Переходим теперь к историческому освещению изложенных фактов.

Прежде всего, здесь встает вопрос, является ли сербскохорватско-болгарский тип *dľb-* «глубокий» новообразованием. Обычно его появление истолковывается как результат скрещивания с общеславянским *dъlb-* (родственным по значению русск. *долбать*, польск. *dłubać*, чешск. *dlobat*, словацк. *dľbat'* и т. д.). Так думает, например, Бернекер, указ. соч., стр. 251). В пользу такой эволюции свидетельствует, между прочим, и связь общеславянского *glŏbokъ*, (*glybokъ*) с греч. γλϋφω, лат. *glübō*, др.-в.-нем. *klübōn* и т. д. (Фасмер, REW, I, стр. 275—276), и факт обратного влияния прилагательного *glŏb-okъ* на глагол **dъliti* (**dъlbtі*; русск. *долбать*, сербскохорватск. *дупсти* и т. д.): ср. словенск. *glŏbsti*, болг. диал. *гълба*, *гълбѣѣ* «дълбая» (С. Кабанов, Изв. на Инст. за бълг. ез., IV, стр. 73; Г. Христов, там же, 220), польск. диал. *głębić*, так же и укр. *длѣбати* рядом с *довбати* и т. п.

Такому пониманию, однако, противостоит точка зрения И. Отрембского (см. «Indogermanische Forschungen», Вильнюс, 1939, стр. 195). И. Отрембский считает *dľb-къ* древним вариантом на основании данных индоевропеистики, согласно которым параллельные корни *dh-l-b//dh-b-:g-l-mb//g-mb* имели одинаковое значение. Исходя из этого, можно было бы думать, что тип с *d-* вместо *g-* был унаследован как сербами, так и болгарами, и таким образом не может считаться новообразованием, общим для этих двух славянских языков.

Мне кажется, это положение принять нельзя, так как легко показать, что тип *dľb-* в сербскохорватском и болгарском языках развился сравнительно недавно. Вот доказательства.

а) Македонский язык и по сей день сохраняет старый тип *гלב* и т. д., хотя уже не вполне последовательно. Древнейшие старославянские тексты очень последовательно указывают на *гלבѡкъ* и *гלבина* (П. Ягич, *Entstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache*, Берлин, 1913, стр. 285, см. и у А. Мейе, *Études sur l'étymologie et le vocab. du vieux slave*, II, стр. 328).

б) В тех балканских областях, где ранее жили славяне (позже романизированные, албанизированные и эллинизированные), обычно чаще встречается *гלב-*, а не *дלב-* или какие-либо другие типы. Ср. в Румынии (кроме вышеупомянутого *Dîlboca-* на западе, что могло появиться недавно): *Glîmboca* (Северин, Сибиу), *Glîmboaca* (Олт.), *Glîmbocul* (Арджеш), *Glîmboaiia* (Вилча; Е. Петрович, *Graul Caraş.*, стр. 7), *glîmbocel* (Росетти, *Influența*, стр. 17); в Албании: на севере — *Gumina* (Дукаджин, так же и апеллатив *gomënë* «grosse Tiefe, Untiefe, Abgrund, Wirbel» из *globina*; Н. Йокл, *Zeitschrift f. Ortsnamenforschungen*, X, стр. 204), на юге — *Gjëmboçari-gjëlboçani* (А. М. Селищев, *Слав. население в Албании*, 219, 323); в Греции: *Γλομπουτσάριον*, *Γλομπουτσίστα*, *Γκларпатаσιново Χωράφια* (Фасмер, *Sl. in Griech.*, стр. 27, 29, 191), *Κλαμπουτίστα*, *Κλαμπουίστα* (192). *Влѡбокѣ*, по Фасмеру, можно возвести к *гלבѡкъ* или *дלבѡкъ*, но не вполне уверенно (стр. 131, 286); *Δελβοτξιάνους* (XII в., устье р. Марица), по Фасмеру, может восходить к **дълбоѡчане* (стр. 231); но это — изолированный, недостоверный пример (ср. у него же, стр. 66: *Δελβίνα* || *Βελβίνα* < **вѣрбѣно*). Возможно было бы сюда отнести и *Κλεμπотσѣр* в Македонии (стр. 235), но этот пример автор толкует иначе. Наконец, ср. *Клѣбокѣ* из *дלב-* или *длѣб-* (стр. 154).

в) В области современного распространения типа *длѣб-* в прошлом был представлен тип с *гл-*. Так, современная *Длѣбчица* (Крива Паланка) в XIV в. называлась иначе — *Глѣбчица* (Селищев, указ. соч., стр. 290, примеч. 1). В одном из средневековых текстов местечко у гор. Скопье называется *Длѣбица* и *Глѣбока* (Миков, *Происход...*, стр. 201). Средневековый хорватский писатель Главнич смешивает формы *dubiĭna* и *dlubiĭna* (RJA, III, стр. 206). На территории штокавской Сербии, где ныне представлен только тип *дубѡк*, в средние века еще употреблялся и тип *гלב-* (а не *гלבѣ-*). Ср. у Доментиана в XIII в. *гלבѡко на вечери закъсѣвѣшимъ*, а также и древний сербский топоним (XIV в.) *гלבѡчани*, *гלבѡчица*, затем и *гלבѡсть* (Доментиан), *гלבѡкьи* *дѡль* и т. д. (RJA, III, стр. 492). В старославянских текстах находим, вместо *гלבѣ-*, более новые *гלבѣ-*, *гלבѣ-*: *гלבѡсть*, *гלבѡкъ*, *гלבѡче* и т. п. (Miklosich, *Lex. pal.-sl.-gr.-lat.*, стр. 130), что, очевидно, свидетельствует о сербско-штокавском (ѣ) и о болгарском (ѣ) изводе.

Все это говорит о том, что на Балканах в эпоху переселения славян на периферию господствовал тип *гלבѣ-*, как и у большинства северных славян. Ср. данные словенского, частично и македонского, а также славянские топонимы в Румынии, Албании и Греции (так же, между прочим, и в Австрии: ср. *Glaboken*, *Glaubogger*, *Globokken*, *Glabesken* и т. д., ныне *klāwōkkē*, *klāwāūkkē* и т. п., о чем см. С. Пирхеггер, *Die slavischen Ortsnamen im Mürzgebiet*, Лейпциг, 1927, стр. 36—37). В центре же балканской области, как можно полагать, употреблялся тип *гלבѣ-*, который, видимо, находился в связи со средне-словацким ареалом; он был постепенно вытеснен, но не полностью: сохранился на западе, в чакавине, и, возможно, на востоке (частично) в болгарских говорах. Вероятно, тип *гלבѣ-* издавна отсутствовал у штокавцев, но у болгар все же был известен (судя по топонимике Румынии, Греции и по македонским данным), как и у чакавцев;

ср. в XIV в. топоним на хорватском Приморье: *Gluboko* (RJA, III, стр. 206).

Следовательно, на Балканах были ранее распространены типы с *gl-* (на периферии *Glqb-* и в центре *glb-*; ср. также *dlyb-*); затем *dľb-* (глагольного происхождения) стало вытеснять тип *glb-*, а частично и периферийное *glqb-*, но все же архаичная периферия сохранила больше старины.

Другие же типы локальны и иногда трудно объяснимы.

Типы с назализацией, вероятно, могут объясняться так называемой экспрессивной фонетикой (ср. И. Шютц, *Die geographische Terminologie des Serbokroat.*, Берлин, 1957, стр. 58, 73); в Македонской области они могут быть результатом закономерной звуковой эволюции. В итоге дальнейшего развития могла возникнуть форма *dumb-*, которая наблюдается как на западной, так и на восточной границе.

Типы *дибок* и *длибок* — вероятный результат смешения *dľb-* и *glyb-*, различные его варианты.

Македонск. *длабок* не представляется полностью идентичным серб. *дубок* и болг. *дълбок* (*длъбок*), но может быть и контаминацией, понятной именно для Македонии, где это явление и поныне еще не выкристаллизовалось.

Тип *злабок* (и *зълбок* рядом с *дълбок*) представляется неясным; возможно, здесь сказывается старая тенденция (общая для южных и восточных славян) избегать группы *dl-*, что в данном случае достигается ослаблением затвора.

Тип *димбок* на основании изложенного представляется ясным (*диб-× думб-*); что же касается форм *гунбок*, *гамбок*, здесь, вероятно, следует исходить из формы *губок* (из *glbokъ*), с назализацией, очевидно, вторичной, или из взаимодействия форм *глубок* (Истра) и *Думбок* (ср. истрийск. *dambok*, болг. *дебок*). Эти формы не вполне ясны, но все это — вторичные образования, несущественные для общей географии. Они объясняются различием первоначальных контактирующих и контаминирующих типов.

Очевидно все же, что тип *dľb-* распространялся из центра Балкан, вероятно со штокавской почвы, и охватил полностью восток и частично запад (чакавцы), словенцы же (частично и македонцы) остались вне сферы его проникновения. Расширение типа *dľbokъ*, как видно из материала, наступило после деславизации Румынии и Албании (о чем также свидетельствуют болгарские и сербские средневековые памятники, где часто встречается *glb-*), но *dľb* появилось сравнительно рано, в средние века, и еще тогда в значительной мере распространились и в хорватских краях. Ср. прилагательное *дубок* (XIV в.), известное по Иловачской кормчей (XIII в.) *дълбокъ* (Миклошич, Лех., стр. 162), датируемое XV в.; существительное *дубина* (с вариантами); известный уже с XIV в. топоним *Дълбочакъ* (Сербия), с XV в. — *дубокын доль* и др. (RJA, III, стр. 840, 843, 846) и ныне вышедшее из употребления средневековое название области под Лескавцем *Дибочица*. О времени начала процесса распространения типа *dľb* у болгар судить трудно, однако современное болгарское *гълбина* с абстрактным значением может быть и не остатком старины, а русским заимствованием, измененным соответственно законам болгарской фонетики.

Следовательно, здесь мы имеем дело со штокавско-болгарским новообразованием, захватившим и значительную часть хорватского языка (часть чакавских говоров), точнее — с балканским новообразованием. Подобное явление известно и у лужичан, однако в нижнелужицком языке это — поздний процесс, не связанный с балканским.

II. СЕРБСКОХОРВАТСКОЕ *КОЈИ*, ДИАЛ. *БИ*,
БОЛГ. *КОЈ*, *КОЈТО* «КОТОРЫЙ»

В праславянском языке различалось два типа вопросительных местоимений: *kotorъ* (с вариантами) и *kyjъ*. Значение их было различным: первое местоимение имело значение «который из двух», а второе — «который (из множества)». Позже, однако, различие в значении стерлось. По словам А. Мейе, «в славянском утратилось точное значение аффикса; *kotoryjъ* означает собственно «lequel» (A. Meillet, *Études sur l'ét. et le vocab. du vieux slave*, II, стр. 406—407). Древние соотношения, представленные др.-инд. *kaḥ* : *katarah* (ср. лат. *uter* : *alter*), в славянских языках, по крайней мере для исторической эпохи, уже не являлись актуальными. В том же направлении шло постепенное смещение *vъtorъ* «другой из двух» и *inъ* «другой (вообще)», взамен чего расширялось употребление слова *drugъ* (A. Vaillant, *Le comparatif slave en -ějъ*, RÉS, XI, стр. 11). Естественно, в отдельных славянских языках должно было закрепиться или *kotorъ*, или *kyjъ*, издавна ставшие синонимами.

В большинстве славянских языков сохранилось *kotorъ*, вероятно, как формально более выразительное (это слово приняло на себя и релятивное значение; см. ниже): словенск. *katéri* (с дериватами *ktéri* || *ketéri*) «welcher? (von zweien oder mehreren)», релят. «welcher»; укр. *котрий*, *которий*; русск. *котрый*; польск. *który* (с вариантами *ktery*, *chtery*, *ftery*, *chtóry*, *ftóry*, *ftory*, *którny*, *chtorny* и т. д.), словинск. *xtùeri*; кашуб. *xteri* || *xteren*, чешск. *který*; словацк. *ktorý* || *chtorý* || *chterý*; в.-луж. *kotry*; н.-луж. *kótary*, др.-н.-луж. *ktory*.

Старославянский язык дает несколько иную картину: в вопросительном значении употреблялось *кьи* : *которьи*, а релятивное значение передавалось в большинстве памятников местоимением *иже* и лишь изредка *кьи* (Н. Ван-Вейк, По поводу местоимения *кьи*, *Южнослав. филолог*, XVIII, стр. 103—105), но *jъže*, как известно, получило в новых славянских языках иное значение⁵; таким образом, осталось только *kyjъ* в релятивном значении (равно и *kotoryjъ*).

Сербскохорватский и болгарский языки здесь пошли иным путем, отличным от других славянских языков. Сербь и болгары обобщили тип *kyjъ* (в двух значениях) за счет типа *kotorъ*. Литературный сербскохорватский язык вместе со всеми штокавскими говорами имеет *којѝ*, *-а*, *-е*, и т. д., ср. *којѝ* (*zôñ*), *која* (*zôñ*) (косовские говоры) и т. д. (Елезович, Речн. кос.-метох., I, стр. 300). Ср. также формы с крайнего штокавского запада в Истрии *којѝ*, *која*, *којѝ* (по моим записям), ср. *којѝ*, *која*, *којѝ* у Рабирича (Срп. дијал. зб., IX, стр. 109—110). Болгарский язык удержал *кой* в вопросительном значении и развил *който* (с частицей) в релятивном (Н. Миркович, Бугарско-српскохорватски диференцијални речник, Белград, 1937, стр. 65), но и само *кой* может иметь, как сокращенная форма от *който*, и релятивное значение (Тълк. речн., стр. 302). Акад. В. Георгиев утверждает даже, что для болгар (речь идет о литературном языке) русское слово *который* непонятно (Езиково сближение... стр. 244). Ср. также и из болгарских говоров: *кой*, *која*, *којо* (редкое релятивное *който* или *какъто*) (Белослатинское; К. Попов, Изв. на инст. на бълг. ез., IV, 136), вопросительное *кой*, *која*, *коѝ*, релятивное *който* и т. д. (Самоковско; там же, 278), *кой* (В. Търновско; Гъбюв, Сб. НУНК, XIV/III, стр. 213), вопросит. *кой*, *к'ш'а*, релят.:

⁵ Ср., однако, сохранившееся *ж'оату* «който, дето» в болгарских родопских говорах, которое Б. Цонев (Кои новобълг. говори стоят най-близу до старобълг. . . , Сп. БАН., XI, стр. 13) возводит к *иже-то.

кѡйту, к'w'ѡту и т. д. (Хасковско; Г. Христов, Изв., IV, стр. 203). Во многих болгарских говорах восточного типа находим то же самое: *кой, куѡд, куѡѡ*, релят. *кой, куйѡд, куйѡѡ* (С. Б. Бернштейн, В. К. Журавлев, М. Г. Сенкевич, Н. И. Толстой, Е. В. Чешко, СМБД СССР, вып. 3, стр. 127, 128), *кой, куйѡа, куйѡе* (Э. Н. Полтораднева, там же, стр. 98).

К штокавским и болгарским говорам примыкают и чакавские (хорватские) говоры; они не знают форм типа *kotorъ*, употребляя только тип *куѡь*. Ср., например, на острове Хвар, в средней Далмации; *kojѡ* муж. род, *kojѡ* жен. род ($\bar{a} > o$), *kojѡ* средн. род (М. Храсте, *Čakavski dijál. ostrva Hvara*, Белград, 1937, стр. 35). В большинстве же случаев здесь находим стяженную форму *kā < koja, kō < koje*, в муж. роде находим *kī* — возможно, это сохранившееся *куѡь*. Ср. на о-ве Хвар: *kī* муж. род. и мн. число (Храсте), на о-ве Суска *ki* — то же (Хамм, Храсте, Губерина, стр. 116, 117), так же и в Нови в Хорв. Приморье (Белич, Заметки, стр. 56). Это же находим, между прочим, и в чакавизированных штокавских говорах средней Истрии, где Рибарич (указ. соч.) отмечает параллельные формы: *kojī || kī, kojā || kā, kojō || kō* при более частой нестяженной форме.

Словенцы, как уже упоминалось, сохраняют в полной мере тип *kotorъ* (ср. *kateri* и т. д.) в двух значениях, но сохраняют (при поддержке чакавского) и *ki-*, хотя последнее лишь в релятивном значении. (Об условиях употребления *ki* в словенских говорах см. Плетершник, *Sl. nem. sl.*, I, стр. 396); словенские говоры на востоке, в Истрии и юго-восточной Штирии употребляют *ki* шире, т. е. почти так же, как и чакавцы-хорваты (Плетершник)⁶.

В современных сербскохорватских говорах, штокавских и чакавских, тип *kotorъ*, насколько мне известно, не встречается. В болгарских и македонских говорах он отмечается изредка как архаизм. Ср. в рунских говорах: *кутрѡй* «кой», *никѡтрѡй* «никой, нищо» (Л. Милетиц, Особен принос към речника и фразеологията на источните български народи, Сп. БАН, LVI, стр. 67); во Фракии, в Смолянском и Коларовградском говорах: *кутрѡй, -ѡ, -ѡ* «кой» (Ст. Стойков, Българска диалектология, София, 1956, стр. 142), в щуменском, смолянском и фракийских говорах: *кутрѡй* «всякий», затем, в Охриде — выражение о *кутраѡго!* «о горкият!» (Цонев, Кои новобѡлг..., стр. 16). И в болгарских говорах Советского Союза встречается тип *kotorъ*: *кутрѡѡй, кутрѡѡ; н'ѡкутрѡѡй* (В. К. Журавлев, Говор села Криничное, автореферат канд. диссерт., М., 1957, стр. 13). В болгарских говорах, сохранивших тип *kotorъ*, можно наблюдать исчезновение старого типа и распространение нового, общеполгарского. Так, С. Кабанов в селе Момчиловцы (Смолянская околия) констатирует местный тип *котри, котрѡа, котрѡб*, но младшие поколения в формах муж. рода чаще употребляют *кой* (рядом с *котрѡй*) и очень редко *койѡ* (жен. род), *койѡѡ* (средн. род); релятивные *кѡйто, кѡйсо, кѡйно*, хотя и содержат диалектные *-со, -но*, отмечены лишь в языке младших поколений, только в формах мужского рода и множественного числа, однако и в языке молодежи хорошо сохраняется *котрѡито, котрѡисо, котрѡино*, и полностью — *котрѡито* жен. род и *котрѡито* ср. род (Изв. на Инст. за бѡлг. ез., IV, стр. 47—48).

Таким образом, современные южнославянские языки дают такую картину:

⁶ Литературное словенск. *kojѡ* вместо нормального *kateri* или *ki* (Плетершник, I, стр. 419), очевидно, недавнее заимствование из сербскохорватского литературного языка.

I. Болгарский и македонский: тип *кужь* → *кой* (при остатках *которь*).

II. Штокавские диалекты сербского языка: *кужь* → *који*.

III. Чакавские говоры: тип *кужь* → *ки* (*који*); сюда же относятся и восточнословенские говоры.

IV. Словенский язык: типы *которь* и *кужь* → *ки*, но соотношение иное, отличное от праславянского.

История этого явления вырисовывается следующим образом.

На востоке Балкан. Старославянский язык еще различал (хотя и формально) *которь* и *кьи*; валашские тексты еще сохраняли тип *которьи* (Цонев, *Кои новобълг.* . . , стр. 16); тип *кои* только постепенно расширяется, вытесняя *которь*. Как уже видели, в некоторых болгарских говорах этот процесс продолжается и в наши дни, у нас на глазах.

На западе Балкан тип *которь* в чакавских говорах в прошлом еще употреблялся (XV—XVII вв.) в форме *koteri* (ср. в тех же говорах *petero*, *šestero* и лит. сербскохорват. *петоро*, *шесторо*); в XVII в. он употреблялся и в кайкавских говорах: его подтверждают и старые хорватские лексикографы (RJA, V, стр. 397).

В центре, в штокавских говорах, видимо, тип *которь* уже отсутствовал в XII в.; *которьи* отмечается лишь в текстах, имеющих церковный характер, но *koteri* наблюдался и у древних чакавцев.

Очевидно, что тип *кужь* вытеснил тип *которь* сначала в южнославянском центре, в штокавских говорах; на периферии же, западной и восточной, тип *которь* сохранялся долгое время. Позже *кужь* охватил и болгарский восток (кроме некоторых говоров), и чакавский запад (полностью), наступая и на словенский ареал, но не захватывая его полностью: словенцы сохранили, в принципе, оба типа.

Тип *кужь* в той или иной мере сохранился и во всех других славянских языках: ср. русск. *кое-что*, *кой-как*, *кой-какой* и т. д., диал. *кой* «который, какой» (*кой приходил, каѣ сказывала. Кой день прошел, тот до нас дошел*); ср. также и *пока* < *по каја* (*města*) (П. Я. Черных, *Очерк.* . . , стр. 215, 275), затем укр. *кой* «когда, если», польск. *ki djabeł! ka bestyja!, ki niesztęście!* (Карлович), чешск. *hleděl zvědavě, ků čert to běží k němu* и т. д. Ср. также и такие формы, как польск. *kiery*, чехоморавск. *kerý*, представляющие собой очевидную контаминацию *ktery* — *ki*.

Однако основные выводы представляются ясными: 1) нормой для севернославянских языков (частично и для словенского) является тип *которь*, употребляющийся как в вопросительном, так и в относительном (релятивном) значении; 2) в сербскохорватском и болгарском, напротив, преобладает тип *кужь* полностью, во всех синтаксических конструкциях (кроме некоторых остатков в македонском и болгарском говорах; ср. П. Будмани, (RJA, V, стр. 150).

Трудно сказать, как протекала морфологическая эволюция местоимения *кужь* в сербскохорватском и болгарском языках. Фасмер показал в свое время, что следует исходить не из основы *које-*, как считали раньше, а из сложения **кь-жь*, *ка-ја*, *ко-је* (ср. **кожь* > **кь*: *которь* точно так же, как и в др.-инд. *kaḥ*: *katarah* и т. д.). В таком случае *кужь* (ст.-слав. *кьи*, польск. *ki*, чешск. *ků* и т. п.) было бы старшей формой, а штокавское и болгарское *који*, *кой(то)* — младшей (ср. Фасмер, *Die Flexion von altbulg. kujj* «qui», *Indogerm. Forschungen*, XL, стр. 139—144), т. е. *који* могло бы считаться новообразованием. Однако для нас сейчас это не имеет значения, так как и русский язык имеет *кой*, что может свидетельствовать о добалканском новообразовании. Кроме того, чак., словенск. *ki* со своей стороны, видимо, согласуется

с зап.-слав. *ki, ku*, так что здесь можно говорить (как и во многих других случаях, ср. выше *znajǫ: věť*) об изоморфах, соединяющих запад Балкан с западными славянами, а восток — с русским ареалом.

Но не это сейчас важно. Главное заключается в том, что хорватский, сербский, македонский и болгарский языки имеют специфическую инновацию — полное вытеснение типа *kotorǫ* типом *kuǫ* (кроме некоторых незначительных исключений). Здесь имел место относительно недавний, без сомнения балканский, процесс. Тут же наблюдаем полное соответствие в развитии штокавских говоров и болгарского языка (*koǫi: koǫi*), им частично соответствуют и чакавские говоры, а в меньшей мере и словенский язык.

Следовательно, в данном случае имеем дело с балканской инновацией, связывающей штокавские и болгарские говоры, захватывающей на западе и соседние со штокавскими территории.

(Перевел с сербского В. Журавлев)